

Бамбуковый гостевой домик Ордена Прихода и Ухода насквозь пропитался горьким, вяжущим ароматом целебного варева. Смешиваясь с благовониями из сандала, этот запах въелся в сами стены, заставив потемневшее дерево пахнуть сухой терпкостью.

В зале собралась толпа седобородых лекарей. Чэн Жан сидел за низким столом. Стоило ему нахмуриться, как лекари один за другим понуро закивали, разводя руками.

В глубине души Чэн Жана росла тревога. Поднявшись, он прошел во внутренние покои и мягко положил ладонь на плечо мальчишки.

— Е Хуай, ступай отдохни, — тихо проговорил Чэн Жан.

Мальчишка лишь упрямо мотнул головой и придвинулся ближе к постели. С его губ не слетело ни слова, но весь его безмолвный, затравленный взгляд так и кричал о решительном отказе.

Он всё ещё не снял ту самую одежду, в которой дрался с человеком в черном балахоне. Грязная, измятая ткань намертво присохла к коже вместе с корками запекшейся крови. Лицо покрывал слой серой пыли, и лишь янтарные глаза лихорадочно блестели.

Вглядываясь в эту отчаянную, непреклонную скорбь, Чэн Жан не нашел в себе сил спорить.

— Отвар я оставлю здесь. Выпей, как только сможешь. В ордене... еще много забот, мне пора идти. Если что-то понадобится, сразу зови.

Е Хуай едва заметно кивнул и тут же склонился над постелью, больше не удостоив Чэн Жана даже мимолетным взглядом.

Когда шаги Чэн Жана затихли в отдалении, в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым, прерывистым дыханием Е Хуая. Он не смел дышать тише. Боялся, что если затаит дыхание, то обнаружит ужасающую пустоту — беззвучие, в котором больше не билось ни одно сердце.

Е Хуай перевел взгляд на постель.

Цзян Ту лежал неподвижно. Его лицо казалось бледнее пухового снежного одеяла. Глаза были плотно закрыты, длинные темные ресницы отбрасывали на щеки густые тени, озаренные робким утренним светом, пробивавшимся сквозь щели в бамбуковых ставнях. Если бы не засохшие бурые пятна крови на воротнике, можно было подумать, что он просто крепко спит.

Мальчик осторожно взял безжизненную руку Цзян Ту, покоившуюся на одеяле, и прижался щекой к его ледяной ладони.

Ответа не последовало.

В глазах Е Хуая блеснули слезы. Он робко забрался на край постели и обеими руками поднял холодную ладонь Цзян Ту, уложив ее себе на макушку — точно так же, как учитель когда-то ласково гладил его по голове.

— Учитель... когда же ты очнешься? — прошептал он, едва заметно ластясь к безжизненным пальцам. — Ты спишь уже столько дней. Пожалуйста, проснись...

Стоило Е Хуаю ослабить хватку, как чужая ладонь, лишенная опоры, безвольно соскользнула и упала на покрывало. Мальчик замер, уставившись на бледную кисть.

Тяжелая слеза упала точно в центр холодной ладони Цзян Ту и разбилась на крошечные капли, мгновенно затерявшиеся в складках кожи.

Он сидел неподвижно очень долго, чувствуя на губах горькую соль собственных слез.

Затем, не выдержав, он осторожно скользнул под безвольно раскинутую руку Цзян Ту и сжался в крошечный комоч рядом с ним — точно перепуганный звереныш, отчаянно цепляющийся за остывающее тело погибшей матери.

— Учитель, мне так страшно... умоляю, открой глаза...

В бреду полузабытья Е Хуай потерял счет времени. Перед глазами мелькали то безумные погони, то теплые дни, проведенные с учителем.

Вдруг до его ноздрей донесся резкий, незнакомый запах.

Звериное чутье мгновенно вырвало его из сна. Волоски на теле встали дыбом. Мальчишка рывком сел, дико озираясь.

Снаружи глухо доносились голоса. С тихим скрипом отворилась дверь.

Воздух наполнился густым ароматом дикого зверя. Прежде чем Е Хуай успел дотянуться до лежавшего у кровати костяного меча, незванный гость уже переступил порог.

Мальчишка сгруппировался, готовый к броску, и уставился на вошедшего диким, враждебным взглядом.

Перед ним стоял незнакомый парень с шапкой вьющихся золотистых волос. От него пахло сильным, первобытным зверем, но этот дух не вызывал отвращения — сквозь тяжелый дух

хищника проступала едва уловимая свежесть лесных трав.

Е Хуай настороженно сглотнул. Золотоволосый юноша тем временем окинул его взглядом с головы до ног и ухмыльнулся:

— О, так ты и есть Е Хуай?

Не успел мальчик и глазом моргнуть, как незнакомец бесцеремонно сгреб его под мышки и вздернул вверх, точно щенка, которого хозяин придирчиво осматривает в помете. Прищурив лазурные глаза, гость хмыкнул:

— Ну и гряззища. Ты когда в последний раз мылся? Цзян Ту что, совсем за тобой не следит?

Парень был невысокого роста, но обладал невероятной силой. Оказавшись в тисках, Е Хуай яростно оскалился:

— Не смей говорить так об учителе! — а затем, сообразив, опешил: — Ты... знаешь моего учителя?

Тот широко улыбнулся:

— Еще бы не знать. Мы с Цзян Ту старые приятели.

— Я Байцзэ, Божественный лекарь, постигший все тайны мира. Нет ничего под небесами и на земле, о чем бы я не ведал. Что, Цзян Ту ни разу обо мне не рассказывал?

Бахвальство чужака вызвало у Е Хуая лишь глухое раздражение:

— Слыхом не слыхивал.

— Зубастый малец, — со вздохом покачал головой Байцзэ. — Когда мы с Цзян Ту сошлись, тебя еще и в проекте не было.

Пока Е Хуай переваривал услышанное, гость опустил его на пол. На кончиках его пальцев соткалась чистая, белоснежная духовная энергия. Легким щелчком он направил ее на мальчика. В мгновение ока Е Хуая окутал ласковый дождь из мелких искрящихся капель. Вода тут же испарилась, обратившись в легкую дымку, которую Байцзэ небрежно развеял взмахом рукава.

В тот же миг запекшаяся кровь и налипшая грязь бесследно сошли с тела Е Хуая, а ссадины и раны затянулись прямо на глазах.

Увидев изумление на лице мальчишки, Байцзэ расплылся в довольной улыбке:

— То-то же! Сам великий Божественный лекарь пришел на помощь... Ну ладно, поглядим, что там с Цзян Ту.

Но стоило ему сделать шаг к постели, как Е Хуай стрелой метнулся наперерез, заступив дорогу.

Раны действительно затянулись, но Е Хуай не собирался верить первому встречному, о котором учитель никогда не упоминал. Что, если этот чужак втерся в доверие лишь для того, чтобы навредить беззащитному Цзян Ту?

Байцзэ удивленно приподнял брови:

— А ты не промах... Цзян Ту действительно умудрился... — он вовремя проглотил фразу о преданном псе и вместо этого легонько потрепал мальчика по макушке: — Тебя зовут Е Хуай. Примерно месяц назад Цзян Ту подобрал тебя, а потом вместе с тобой одолел призрачного зверя по имени Будда Тысячи Лепестков Лотоса. Да и имя твое дал тебе он. Я прав?

Е Хуай оцепенел. О трагедии в Деревне Множества Благословений он не рассказывал ни единой живой душе, тем более со всеми деталями. Откуда чужак мог узнать об этом, если не от самого Цзян Ту?

— Цзян Ту только о тебе и толкует, — хитро сощурился Байцзэ, умышленно растягивая слова. — Он говорил...

Мальчишка мигом заглотил наживку:

— Что? Что говорил учитель?

Байцзэ придал лицу таинственный вид:

— Он сказал, что ты прирожденный гений меча. И что однажды ты непременно познаешь истинное Дао, превзойдешь смертную долю и вознесешься в небесные чертоги. И что для него величайшая гордость — иметь такого ученика.

Е Хуай застыл как вкопанный.

Байцзэ ласково похлопал его по плечу и подошел к постели Цзян Ту. На этот раз мальчик не стал ему мешать. В его душе бушевал ураган, грозивший поглотить его без остатка.

Цзян Ту всегда держался отстраненно, и Е Хуай относился к нему как к недостигаемому божеству. Даже когда мальчик позволял себе ребячество, глубоко внутри он чувствовал непреодолимую стену. Цзян Ту был величайшим заклинателем, а он — лишь обузой, слабой и никчемной.

Но теперь, из уст этого лекаря, он узнал, насколько глубока вера учителя в его силы.

Вознесение... Мечта, ради которой могущественные мастера безуспешно бьются веками, казалась учителю достижимой для обычного сироты.

В глазах защипало от подступивших слез. Ради спасения Цзян Ту Е Хуай пошел бы на все. Даже если бы учитель захотел превратить его душу в послушное оружие — он отдал бы себя без тени сомнения.

Байцзэ покосился на него и мысленно хмыкнул: «Цзян Ту, ты мне по гроб жизни обязан за такую ложь во спасение». Положив три пальца на запястье больного, он приготовился прощупать пульс.

Но стоило ему коснуться кожи Цзян Ту, как лицо лекаря окаменело. Он тихо выругался сквозь зубы.

Е Хуай ловил каждое его движение и тут же затрепетал от страха:

— Божественный лекарь, что с ним? Что с моим учителем?

Обычно от подобного почтения Байцзэ расплылся бы в самодовольной улыбке, но сейчас ему было не до хвастовства. Напустив на себя беспечный вид, он поспешил успокоить мальчика:

— Ничего страшного. Твой учитель растратил слишком много духовных сил и впал в глубокое забытие от истощения. Я выпишу рецепт. Ступай и завари лекарство. Его нужно прокипятить трижды, а затем дать ему выпить. Посмотрим, станет ли легче.

Байцзэ быстро начертал на бумаге названия трав, аккуратно сложил листок и протянул его Е Хуаю.

Мальчик ловил каждое слово, судорожно кивая:

— Да, я всё сделаю! Слава богу, учитель поправится... Я сейчас же принесу травы!

Бережно, словно величайшую драгоценность, он прижал рецепт к груди и стремглав вылетел из комнаты.

Байцзэ проводил его взглядом. Как только шаги стихли, маска беззаботности спала с его лица, уступив место тяжелой тревоге. Он бессильно опустился на край постели и в сердцах ударил кулаком по деревянной раме кровати.

— Цзян Ту, ну что ты за упрямец! — пробормотал он в пустоту. — Долг долгом, спасение мира спасением мира, но нельзя же так безжалостно изводить себя... Доигрался. Если ты не очнешься, что мне делать с этим пацаном? Цзян Ту, о великий Яньван... Пожалуйста, приди в себя.

Е Хуай сидел на коленях перед глиняным котелком, сверяясь с рецептом и бережно раскладывая коренья. В списке Байцзэ значилось множество редких целебных трав, которые в Нижнем царстве было не сыскать днем с огнем. Мальчик не знал их названий и не имел понятия, где их искать, поэтому без раздумий бросился за помощью к Чэн Жану.

Благодаря великодушию Чэн Жана, который, едва узнав в чем дело, тут же открыл для него двери кладовых Ордена Прихода и Ухода, Е Хуай сумел собрать все необходимые компоненты.

Он тщательно отбирал самые свежие листья и коренья, усердно растирая их в ступке. Терпкий, едкий сок трав нещадно щипал глаза и вызывал приступы кашля, но мальчик лишь счастливо улыбался. Скоро отвар будет готов, и учитель обязательно придет в себя.

«Когда учитель откроет глаза, я стану тренироваться еще усерднее. Я буду самым могущественным заклинателем, вознесусь на небеса и докажу, что он во мне не ошибся»

Внезапно за спиной раздался тихий, леденящий душу смешок.

Е Хуай вскинул голову. Его зрачки сузились, превратившись в узкие звериные щелки.

В комнату бесшумно вошел мужчина в одеждах Ордена Прихода и Ухода. Половину его лица уродовал грубый багровый шрам, тянувшийся через всю щеку, в то время как уцелевшая часть лица казалась совершенно невзрачной и незнакомой.

— В твоём рецепте не хватает самого главного, — глухо произнес незнакомец, доставая из-за пазухи старый, потемневший от времени свиток. — Без этого тайного ингредиента твой учитель никогда не очнется.

Мальчик настороженно прижал глиняный котелок к груди и не сдвинулся с места:

— Кто ты такой?

Человек со шрамом проигнорировал вопрос и презрительно швырнул книгу на земляной пол. Раздался глухой стук.

Это был откровенный вызов, но Е Хуаю было не до гордости.

Упавшая книга сама собой раскрылась на нужной странице, словно невидимые пальцы пролистали пожелтевшие листы. Е Хуай опустил взгляд. Он не умел читать, но интуитивно почувствовал, что начертанные на пергаменте знаки были древними и зловещими — буквы казались перевернутыми, чуждыми человеческому языку.

И всё же он понял смысл. Ему не требовалось разбирать буквы или учить слова — древнее знание вспыхнуло прямо в его сознании, словно оно было выжжено в самой его душе с момента рождения.

«Сердечная кровь Циляня, в отвар добавленная, плоть воскрешает, кости сращивает и саму смерть вспять обращает...»

Е Хуай читал, словно замороженный, не заметив, как таинственный незнакомец растворился во тьме. В глазах мальчика заплескали золотые искры, подобные мерцанию созвездий в ночном небе, а зрачки окончательно сделались вертикальными.

Он медленно перевел взгляд на котелок. Дорогие травы смешались в темное варево, источая удушливый, резкий аромат.

«Этого мало. Этого ничтожно мало, — прошептал вкрадчивый голос в глубине его разума. — Такое пойло его не спасет. Перед тобой лежит Цзян Ту — твой единственный защитник, твой наставник, единственная душа в этом жестоком мире, подарившая тебе тепло. Ты ведь знаешь, что нужно делать, Е Хуай?»

Искушающий шепот звучал мягко и убедительно. Е Хуай не знал, поддастся ли он чарам или же принял решение сам.

В древнем манускрипте говорилось, что сердечная кровь Циляня течет сквозь самое средоточие жизни, связывая воедино сердце, язык, горло и конечности. Для спасения угасающей жизни требовалось ровно восемьдесят одна капля. Ни больше, ни меньше.

Спрятав манускрипт за пазуху, мальчик медленно вынул из ножен костяной меч.

«Тот таинственный враг в черном утверждал, что я недостойн этого оружия. Но учитель вернул клинок и без колебаний отдал его мне»

— Учитель...

Мальчик крепко сжал губы и без тени страха полоснул лезвием по ладони.

Горячая кровь хлынула на измельченные травы.

Е Хуай, преодолевая жгучую боль, сосредоточенно зашептал:

— Раз... два...

Он считал медленно и верно. Капля за каплей драгоценная кровь орошала сухое варево, связывая компоненты воедино. Резкий, удушливый запах целебного сока начал постепенно рассеиваться, уступая место чистому, почти неосязаемому аромату родниковой воды. В этом запахе не было ни намека на привкус железа.

— ... Пятьдесят девять, шестьдесят, шестьдесят один...

От потери крови в глазах поплыли серые круги. Слегка мотнув головой, Е Хуай упрямо продолжал счет. Каждое мгновение давалось ему с огромным трудом, рука мелко дрожала, и мальчику пришлось поддерживать ее здоровой ладонью, чтобы не упасть без сил.

— ... Семьдесят девять, восемьдесят, восемьдесят один.

Как только последняя капля упала в котелок, Е Хуай резко отдернул руку, боясь испортить снадобье лишней каплей.

Преодолевая слабость, он бережно подхватил посудину обеими руками и, приподнявшись на цыпочки, водрузил ее над тлеющим очагом. На глиняном боку остался отчетливый, багровый след ладони.

Не отрывая взгляда от закипающего варева, мальчик тихо прошептал:

— Учитель... Я обязательно стану тем, кто достоин этого меча.

<http://bllate.org/book/19047/1979614>